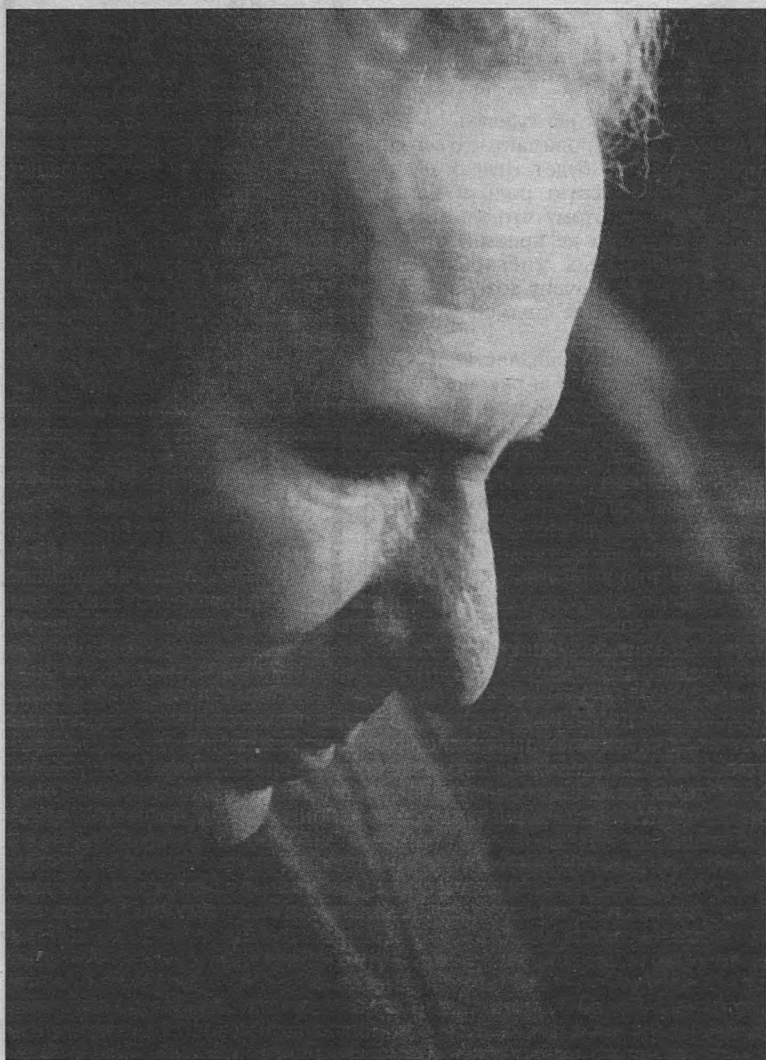

Пространство Володина

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА

С 6 по 11 февраля 2004 года в Санкт-Петербурге состоялся Первый фестиваль имени АМ Володина "Пять вечеров", приуроченный к круглой дате: 85-летию драматурга.

Инициаторами и учредителями проекта явились АБДТ имени Г.А. Товстоногова, "Петербургский театральный журнал", Театр на Литейном, телевизионная программа "Фрак народа", театр "Приют комедианта", газета "Культура". Идея проведения фестиваля получила поддержку Министерства культуры РФ. Поддержку фестивалю также оказывали: Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Российский независимый благотворительный фонд "ТРИУМФ-Новый век", СТД РФ.

Председатель оргкомитета фестиваля – КЮ Лавров.

В афишу фестиваля было включено семь спектаклей по пьесам АМ Володина из Москвы, Санкт-Петербурга, Тольятти, Новосибирска и Нижнего Новгорода. В программе фестиваля: презентация книги "О Володине. Первые воспоминания", проведение тематических клубов-вечеров, представление молодых драматургов Санкт-Петербурга, заключительный вечер памяти драматурга.

Выражение это стало расхожим, звучит банально – что только ни помещают теперь в такую раму пространства. Но что же делать, если почти неделю мне довелось провести именно в пространстве Володина, в прямом смысле слова. Он смотрел на меня с десятков фотографий, которыми сверху до низу были увешаны стены фойе театра на Литейном, где проходил Первый Володинский фестиваль, – большого фойе с высокими потолками. Стихи его и краткие, летучие мысли, выбранные наудачу, мелькали на стендах.

Володинский фон – страстное, живое лицо, глядевшее с экрана во всю высоту сцены – тревожил и будоражил и выступавших, и зрителей. На этом фоне невозможны были ни дежурный пафос, ни официоз. Прославленные Зинаида Шарко и Людмила Гурченко, героини "Пяти вечеров" на сцене и на экране, волновались, словно перед публичным признанием в любви.

Были воссозданы приметы володинского стиля жизни, в том числе – рюмочная. На финальном вечере на авансцене выстроились десятки фирменных стопок со знаменитым володинским слоганом: "Не могу напиться с неприятными людьми". Народ водочку выпивал; стопки уносил как сувениры. В качестве сувенира (наряду с печатной продукцией) была предложена и поллитровка "Пять вечеров" со следующим комментарием: "Водка "Пять вечеров" содержит пятидневную утреннюю дозу Александра Моисеевича, а также пятидневную порцию советского солдата, получавшего "наркомовских" 100 г. Способствует пробуждению совести, сострадания к людям, содействует развитию эстетического чувства, разгоняет тяжелые мысли".

В шутку входило серьезное – напоминание о войне и о тех свойствах душевных, что были у Володина с начала и до конца, неподвластные возрасту, жизни и времени. Личность его, сложная, цельная, внутренне свободная, но кровно связанная с тем,

что творилось на долгом его веку, – определяла собой все: состав фестиваля, атмосферу его, стиль общения.

Независимость воспеваю.

Я не буду зависеть от разгильдяев, от негодяев, от несчетных дневных забот, от нелюбящих, нелюбимых, уважающих нас и не уважающих – мимо, мимо! Я от этого в стороне.

Рабочим девизом фестиваля могла быть фраза Марины Дмитриевской: "Володин сам выбирает людей". Он и выбрал себе команду: директора фестиваля – Виктора Рыжакова, заместителя его – Дмитревскую (душа и мотор предприятия), координатора – Юлию Садовникову, и других, озабоченных не престижностью дела, но соответствием его герою, Володину. И театральный дом себе выбрал – на Литейном, во главе с худруком-директором его Александром Гетманом; театр не-эгоистического склада, не раз уже проводивший масштабные, трудные акции для других – то фестиваль Гинкаса, то Эфроса. И людей выбирал неслучайных – близко знавших его, и творчески связанных с ним, и просто прикипевших к нему душевно.

Интонация "Мой Володин" господствовала повсюду по-разному.

"Миленький ты мой..." – словами этой песни из "Пяти вечеров" был назван прощальный вечер, что отвечало чувству щемящей нежности, которую вызывал, как видно, Володин; которой пропитано было все.

"Мой" – это и знак принадлежности, личной связи, личного права на Володина. Воспоминание – жанр самый личный – стало жанром и книги, и клубных встреч.

В "Первой книге воспоминаний", составленной неумолимой Дмитриевской, более 20 авторов – коллеги, друзья по театру, по жизни, критики. Люди разные, с разной степенью близости к Володину, разным умением отобрать важное от мелочей, от того, что дорого и интересно только тебе. Их, как видно, не ограничивали в этой свободе высказывания. Поэтому тексты неравноценны. То пронзительны и

точные, и даже сквозь эпизод виден Володин в целом, и портрет его вызывает доверие. То вдруг скользнет сентимент, или слишком свойская интонация, или крен в сторону человеческих слабостей, будь то выпивка или романические склонности юбиляра (крен этот на фестивале был ощутим). И как бы в потоке интимных воспоминаний (коль скоро он будет длиться) не растворился художник.

"Мне всегда неловко было ему звонить, потому что он великий (это не забывалось ни на минуту), а ему всегда неловко было звонить, потому что отрывает меня от дел" (Марина Дмитриевская).

Вот – только бы не забылось. Ведь рядом все-таки жил избранный, как бы он ни стеснялся этого. В калейдоскопе володинских лиц поражали – в любом возрасте – не только живость, импульсивность, экспрессию, но нечто иное – высокое, редкое: вдохновенность. Концентрация духовной энергии. То, что Эфремов назовет "духоман".

Сейчас было важно показать Володина-человека – то, что ускользнет и забудется, ибо отряд свидетелей будет редеть, память – ослабевать; вымысел станет теснить реальное; забудутся живые детали. Надо бы их закрепить. За первой книгой будет вторая, а далее – трудное, главное. Володин при жизни своей не дождался достойного о себе исследования, биографии, монографии. Время их – впереди, когда огромный, рассеянный материал будет собран, осмыслен, введен в систему. Придут ученые, сделают свое дело, и вырастет неповторимый художник. Со всем тем "человеческим, слишком человеческим", что оставят мемуаристы.

Правда почему-то потом торжествует.

Почему-то торжествует.

Почему-то торжествует.

Почему-то торжествует правда.

Правда, потом.

Но обязательно торжествует.

Людям она почему-то нужна.

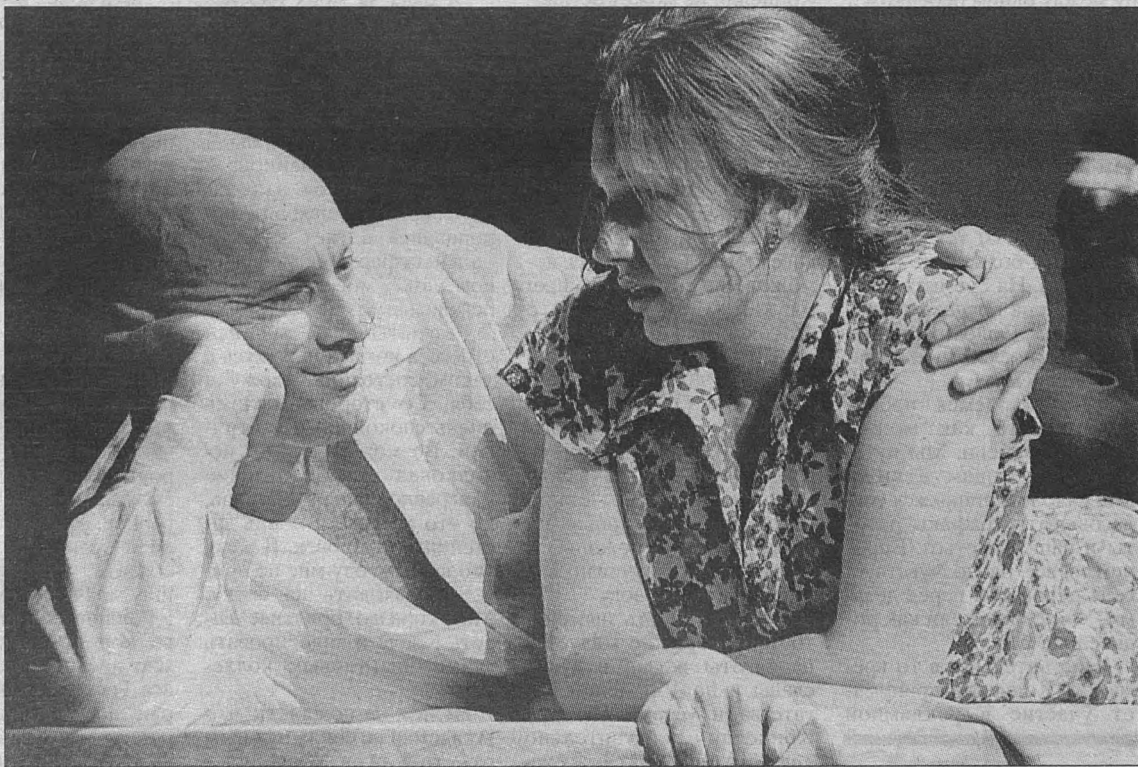
Хотя бы потом...

Почему-то потом!

"Мой" – это и свой у каждого. Володин был разнообразен, широк, менялся. Кто-то знает его по кино. Другим ближе поэзия. Иным – театр. Хотя театр его неоднороден, недоволожен, развивался прерывисто. После бурного, быстрого восхождения – обрыв, уход в кино, в любительские коллективы. Театр перестал быть его главным делом, хотя остался его призванием.

Мой Володин – это 60-е годы, БДТ, "Современник"; "Пять вечеров", "Старшая сестра", "Назначение". Чудаковатые герои, существующие как-то отдельно, вразрез с общепринятым, с общим. Ничего эпохального, за что и сыпались на Володина упреки в "мелкотемье". Земные и слегка сказочные истории, где аллегория не взорвала еще форму, не стала притчей из библейских или вовсе лешерных времен.

"Скучную, обыденную, злосчастную реальность он встречал как красавицу и чудо. ...Вместо поэтизации силы предлагал

Экран и сцена –